

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Язык гражданского общества

Круглый стол

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kr_stol_Tetr_54-2.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

<http://msps.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Мы продолжаем обсуждение проекта «Гражданская энциклопедия». На этот раз вниманию читателя предлагаются материалы круглого стола, состоявшегося 22 октября 2010 г. в Нижегородском филиале Государственного университета — Высшей школы экономики по инициативе выпускников Школы Максима Сучкова, исполнительного управляющего группы компаний «Белый парус», и Ольги Климиной, директора нижегородской Ассоциации товариществ собственников жилья.

Язык гражданского общества*

Елена Немировская, основатель Московской школы политических исследований:

— Высшая школа экономики — особое учебное заведение. И я хочу прежде всего поблагодарить Максима Сучкова и Олю Климину за организацию нашего круглого стола.

В последнее время много говорят о модернизации. И я всегда спрашиваю школьных экспертов, о какой модернизации идет речь. О производственно-экономической? Но мы уже это проходили, я имею в виду жизненный опыт моего поколения. Вначале говорили о научно-технической революции, потом об ускорении научно-технического прогресса, затем появились понятия «перестройка» и «демократия», а сегодня рассказываем друг другу про модернизацию... Один из наших экспертов, выступая на семинаре, как-то сказал: «Боюсь, что “Сколково” окажется таким же проектом, каким был АвтоВАЗ для 70-х годов». Действительно, если модернизация будет происходить только в сфере производства, я думаю, мало что изменится в нашей жизни. Решили Сколково превратить в «Силиконовую долину». Прекрасно, но эта «долина» не только ведь инновации, это образ жизни. Недавно я разговаривала с англичанами и узнала, что портрет Петра I,

нашего главного реформатора, висит в кабинетах некоторых английских политиков как символ. Но для меня так и осталось непонятным, символ чего? Петр приехал на три месяца в Англию, осмотрел верфи, посетил лавки, фабрики, даже встречался с духовенством и королем. Ждали его и в английском парламенте, однако на заседание он так и не пришел, а лишь наблюдал за ним из специальной комнаты. К парламентской форме организации политической жизни Петр относился скептически.

И наших сегодняшних лидеров, окончивших университеты, судя по всему, тоже не особенно интересует, что такое западная демократия, для чего нужны выборы, как устроена местная власть... И главное, как все это формировалось исторически. Отсюда и наша крылатая фраза «парламент не место для дискуссий», произнесенная в самом же парламенте.

События последнего времени напомнили мне снятие Хрущева... Я не поклонница Лужкова, но то, как с ним расстались, вызывает у меня пережитые когда-то чувства. Поэтому молодым людям мне хочется сказать: если вы серьезно думаете над тем, как выстроить современные отношения между обществом и государством — делаю акцент на обществе, а не на государственных институ-

* См. материалы другого круглого стола на эту же тему, опубликованные в журнале «Общая тетрадь» за 2010 год, № 1, 2, 3–4.

тах, все они формально у нас есть, — надо думать о том, как выстроить баланс отношений между ними. Институты должны быть подотчетны обществу, чтобы не повторялось то, что произошло в советское время.

Жизнь иерархична. Не в смысле бюрократического понимания иерархии, а потому что каждый должен честно заниматься тем, к чему он призван и что ему интересно. А если не интересно, оставьте. Если интересно, начинайте об этом думать серьезно, потому что без понимания того, что такое гражданское чувство и гражданское общество, современная модернизация нашей страны в сфере социальных отношений невозможна.

Бикметова Татьяна, доцент филиала ГУ-Высшая школа экономики, Нижний Новгород, выпускница Школы 2004 г.:

— Сегодня на площадке Нижегородского филиала Государственного университета — Высшей школы экономики сошлись два уникальных проекта. Я всегда говорю студентам: жизнь такая, какой мы ее делаем. По инициативе умных, талантливых людей в начале 90-х появились Высшая школа экономики и Московская школа политических исследований. Это два очень важных события в нашей стране. Я думаю, мы еще не до конца понимаем, в какое время живем, а оно нам подарило счастье видеть и руководителей «Вышки» (они у нас часто бывают), и руководителей Школы. Разрешите мне от нас всех поприветствовать Елену Михайловну, Юрия Петровича и вручить цветы.

Юрий Сенокосов, директор издательских программ Московской школы политических исследований:

— Тема нашего круглого стола «Язык гражданского общества».

Уже почти два года мы работаем над проектом «Гражданская энциклопедия», который, надеюсь, скоро запустим на сайте Школы*. Есть его описание, составлен список терминов и понятий (более трехсот), сформирован редакционный совет, есть модератор. Не хватает главного — авторов и людей, готовых писать статьи и принимать участие в их обсуждении. Энциклопедий и словарей, как известно, издается много. Школой не так давно тоже был издан в переводе с французского «Новый общественно-политический словарь». Оригинальное его название «Словарь публичных политик», но мы решили, поскольку термин «публичная политика» для русского читателя пока не очень понятен, изменить название. Надо сказать, что в отличие от англосаксонских стран, Франция — унитарная страна с сильной центральной властью, и тем не менее лет 40–50 назад там появилась публичная политика. В словаре всего 58 терминов, но нет понятий «свобода», «гражданское общество», «права человека». Почему? Потому что гражданское общество уже существует, накоплен соответствующий эмпирический материал, продолжаются исследования, то есть, другими словами, есть авторитетная интеллектуальная среда, чего не скажешь о России.

В общем, работа над Гражданской энциклопедией, на наш взгляд, представляется очень важной. Но как это реализовать? Конечно, только в результате обсуждения соответствующих терминов и понятий. И когда Оля и Максим предложили нам провести круглый стол о языке гражданского общества, естественно, мы сразу со-

* Сайт был запущен в декабре 2010, см. <http://www.msps.su/>

гласились. Потому что страна большая, регионы разные, и, например, в южных регионах людей наверняка волнуют свои проблемы, и их представления о гражданском обществе будут отличаться от представлений людей, живущих в северных регионах или в Сибири.

В этой же связи остановлюсь еще на двух составляющих нашего проекта. Мы решили на базе российских региональных музеев провести выставки «Мера вещей: образ человека в русском искусстве», организуя круглые столы и встречи с участием общественности для обсуждения темы «Образы свободы и достоинства». Мы уже этим занимаемся, открытие первой выставки планируется в Перми, об этом есть договоренность с губернатором и с Пермской художественной галереей. Мне кажется, это будет важным дополнением к тому, что в целом можно назвать «Энциклопедией гражданской жизни». Ведь одно дело статьи, когда в Интернете сегодня можно найти любую информацию и на ее основе написать компилятивную статью о том или ином понятии. Девиз Школы — «Гражданскому обществу — гражданское просвещение». И для нас важно в конечном счете понять, что такое публичная политика, просвещение, гражданское общество и его идея.

Известно, что в переводе с греческого «идея» — это понятие, представление. И когда накоплен достаточный эмпирический материал, кто-то изобретает обобщающее понятие и создает социальную или иную теорию. Скажем, то, что происходит в нашей жизни, мы видим: какие-то события, конфликты, люди участвуют в гражданских и политических акциях, совершают поступки. Откуда же тогда появляются понятия? Скажем, понятие морали. Когда человек совершает нравственный поступок, это означает, что мораль суще-

ствует. Но передаваемо ли это знание, а точнее, понимание морали другому человеку?

Можно сказать, что это имеет отношение к сознанию. Что человек в таком случае поступает сознательно, по совести. Ведь наш язык не случайно соединил когда-то в слове «совесть» приставку «со» с знанием о некоей весте. А откуда она? Как, кстати, и любое другое знание, когда мы говорим о сознании. Значит, то, что мы слышим или видим, мы воспринимаем физически, благодаря нашим органам чувств, а понимаем все же благодаря смыслам, заключенным в понятиях. В этом есть некая тайна, явно указывающая на то, что в какой-то момент мы рождаемся как бы второй раз, не только от родителей. Поэтому предлагаю на досуге подумать над этим, учитывая, что понятие «гражданское общество» тоже относится к тайне, оно иллюзорно.

И о второй составляющей проекта. Известно, какое внимание в европейских странах уделяется уже в начальных классах школы гражданскому воспитанию. Например, в Англии, прежде чем учить детей читать и писать, им предлагают что-нибудь нарисовать, помогают разрешать конфликты и, одновременно общаясь с ними, рассказывают о том, что такое справедливость, свобода, религиозная веротерпимость и т.д. А во Франции о важности гражданского воспитания записано даже в конституции. И у нас с Леной есть мечта ввести в нашу школу предмет «воспитание гражданина». Поэтому, поскольку российские учителя пока профессионально не готовы этим заниматься, мы предлагаем проводить специальные тренинги с участием европейских экспертов для знакомства с их опытом, включающим в себя в игровой форме воспитание общением, сотрудничеством, сотворчеством. То есть другими словами, с опы-

том воспитания и понимания гражданской грамоты.

И последнее, что мне хочется сказать. Идея гражданского общества, как и правового государства, прав и свобод личности, в условиях глобализации не имеет границ. Она универсальна, поскольку, независимо от того, в какой стране мы живем или в каком городе, я думаю, интуитивно мы все причисляем себя к человеческому роду. Следовательно, выражение «образы свободы и достоинства», которое я употребил выше, имеет смысл. Для меня лично, как для одного из создателей проекта, очевидна вся трудность задачи по его реализации, и тем не менее я уверен, что мы это сможем. Если будем продолжать говорить о языке гражданского общества, то «накатим гребешок волны» и заставим услышать, о чем мы говорим.

Рустам Бикметов, политолог, кандидат философских наук, Нижний Новгород:

— Я согласен с Юрием Петровичем по поводу проблемы публичной политики и языка политики, учитывая, что иностранные понятия, которые мы заимствуем, не всегда отражают то, что происходит у нас, потому что они пришли из другой жизни. Скажем, та же «диктатура закона». Имеет ли она отношение к правовому государству, если мы вспомним, как переводится на русский язык английский термин «rule of law» — «правовое государство», «власть закона». Или о том, что политика у нас используется часто не для того, чтобы приблизить власть к народу, а чтобы скрыть истинные мотивы происходящего, как механизм манипулирования общественным мнением.

Здесь уже упоминалось о снятии Лужкова. Все началось, как известно, с «полной открытости» — массы публикаций и теле- и радиоматериалов о нем в эфире, хотя до этого о том же самом уже писали и говорили, например Немцов. Но на это не обращали внима-

Ю. Сенокосов: Мы предлагаем проводить специальные тренинги для школьных педагогов с участием европейских экспертов для знакомства с их опытом, включающим в себя в игровой форме воспитание общением, сотрудничеством, сотворчеством

ния. И вдруг фигура Лужкова приобрела поистине символическое, причем негативное, значение. Или сошлюсь еще на один пример. На недавние выборы наших депутатов городской думы, когда тоже все началось с газетных публикаций, в том числе и в федеральной прессе, о ситуации в Нижнем Новгороде. И в этом случае эти публикации из инструмента открытой политики превратились, по сути, в инструмент манипулирования. Поэтому, я считаю, надо обсуждать проблему языка гражданского общества. Это очень важно, как и работа над Гражданской энциклопедией. Важно не просто копировать слова, а правильно их интерпретировать или использовать русские понятия, адекватные нашей жизни.

Юрий Сенокосов:

— Добавлю несколько слов к тому, что сказал Рустам о правовом государстве. На наших школьных семинарах более десяти лет выступал выдающийся американский юрист Гарольд Берман, он умер, но, когда ему было под 90 лет, он продолжал приезжать в Школу. И, помню, как-то на одном из семинаров была дискус-

сия о том, как переводить термин «rule of law». Берман, который хорошо знал русский язык, сказал тогда, что лучше переводить его как «верховенство права». Почему? Потому что, согласно выражению нашего отечественного теоретика права Сергея Сергеевича Алексеева, «власти не потребно право — ей достаточно закона». А нам как гражданам даны права, и мы можем защищать их, как об этом сказано в 45-й статье Конституции, «всеми способами, не запрещенными законами».

Разумеется, гражданское общество — это некое идеальное представление об обществе, в котором мы хотели бы жить. Но ведь это представление в виде понятия существует в нашем языке, в нашем сознании. Откуда оно? Очевидно, человек когда-то изобрел это понятие, чтобы стать гражданином, свободной личностью.

Александр Согомонов, академический директор Центра социологического и политологического образования РАН:

— В английском языке слово «law» имеет смысл закона и права одновременно. В русском же языке, в русской культуре, как и в языках других европейских народов, эти понятия развели. Потому что закон — это инструмент. То есть некая регламентация жизни, которая носит нормативный характер, обязанность поступать таким-то образом. А право — совокупность представлений о том, каким образом должно быть организовано общество в его взаимоотношениях с государством. Как же они соотносятся друг с другом?

Право всегда выше закона, что предполагает, во-первых, абсолютное равенство всех перед законом. Во-вторых, встает вопрос: с какой точки зрения написан закон? Если он написан для удобства гражданина, это правовой закон. А если для чиновника, то это закон, но не пра-

вовой. Значит, могут существовать и неправовые законы? Могут. И чем больше государство отходит от образца правового государства, тем больше плодит неправовых законов. Например, наш закон о назначении губернаторов. Закон? Закон. Но он противоречит федеративному устройству государства, потому что суверенным в данном случае является народ того субъекта, который должен выбирать собственную власть. С какой точки зрения он нарушен? С точки зрения *духа права*. Как обычно принимаются вердикты нашего Конституционного суда: на основании раздела первого, главы такой-то, статьи такой-то их либо одобряют, либо не одобряют. Дух же Конституции РФ предполагает разделяемые всеми нами правовые рамки, в которые укладывается вся законодательная, нормативная система государства. Не укладывается или что-то противоречит, значит, противоречит духу права.

Итак, первое — равенство всех перед законом. Второе — удобство закона, то есть что является более значимым: право человека или право чиновника? И третье — наличие законов правовых и неправовых и, соответственно, вытекающее из этого понимание духа права. На мой взгляд, именно это дает представление о том, что же такое правовой закон. Смысл диктатуры закона не в том, что он авторитарен, а в том, что в инструментальной, записанной для чиновника форме он более значим, чем представление о той философской, смысловой планке, которая относится к неотъемлемым правам человека. Поэтому сомневаться в правовой основе наших законов нам не дано.

Юрий Сенокосов:

— Александр Юрьевич, тогда получается, что законодатели нам навязывают свое представление о законе, а мы не имеем права им возражать...

Александр Согомонов:

— Я думаю, они не столько нам навязывают, сколько не имеют другого представления о законах. Они искренне не верят, что закон, исходящий от государства, это и есть правовая «манна небесная».

Елена Немировская:

— Когда англичане или американцы говорят «the rule of law», то они имеют в виду «the rule by law», право через закон. Это разные вещи. Управлять с помощью закона — это менеджмент. Но тогда действительно не только исчезает, как сказал Александр Юрьевич, та духовная составляющая, которая и есть человек с его свободой, но и смысл конституции как основного закона государства.

Андрей Амененко, заместитель главы администрации Чкаловского района:

— У меня вопрос к Юрию Петровичу. На мой взгляд, правовым государством Российскую Федерацию назвать трудно. Я не буду говорить о том, как диктатура закона проявляется на уровне муниципального образования, очень верно заметил Рустам Маратович, это затронуло даже СМИ, не говоря уже об истории с Лужковым. 18 лет ничего не знали, ничего не видели, и вдруг по чьей-то команде понеслось: «Он такой-сякой, давайте его уберем!». Это далеко не правовое положение вещей. С вашей точки зрения, возможно ли построение гражданского общества в таком государстве? Просвещение гражданское возможно. А гражданское строительство, если нас и дальше будут унижать? По-моему, это невозможно.

Юрий Сенокосов:

— В самом начале, если помните, я сказал, что будущее гражданского общества во многом зависит от интеллекту-

альной среды. То есть от появления в стране достаточного количества людей, которых оно будет интересовать. Говорят, «один в поле не воин» или «плетью обуха не перешибешь». Масса русских пословиц одновременно и оправдывают то, как мы живем, и помогают выйти из этого состояния. Власть обновляется, и не исключено, что кто-то из сидящих в этом зале сделает со временем политическую карьеру. Так что, если мы будем обсуждать наши проблемы и станем носителями духа права, это почувствуется.

Обычно на региональных площадках нашей Школы мы говорим с участием экспертов о профессионализме, не важно, в какой области — политики, экономики, права, журналистики. Потому что верим, что в какой-то момент недоверие между людьми и наш критический нравственный пафос и чувства обязательно трансформируются в нормы права. А это уже совсем другой язык, который надо учиться понимать и в соответствии с этим пониманием жить.

Татьяна Бикметова:

— Меня лично Школа научила понимать сущность основного закона, и случилось это, как ни странно, не в нашей стране, а в Швеции. Когда мы встречались с главным полицейским этой страны и он, объясняя функции своего ведомства, сказал: полиция у нас существует, чтобы соблюдать и охранять права граждан. Мы были поражены, потому что с детства привыкли к тому, что милиция у нас — карающий меч правосудия. И уже много лет после этой встречи я своим студентам-юристам повторяю слова шведа. Говорю, почувствуйте разницу и подумайте о своем призвании. И они задумываются и начинают это обсуждать не только между собой, но и на площадке дискуссионного клуба. Мне

кажется, только так, через малые дела мы сможем донести и до общества наше мнение. А если будем молчать и по-прежнему на кухнях обсуждать волнующие нас вопросы, то, конечно, ничего не получится. У меня дочь-подросток, и я вижу, как сложно из детей, которые буквально живут сегодня в Интернете, воспитать Гражданина с большой буквы. На мой взгляд, проект «Гражданская энциклопедия», как и идея воспитания гражданина со школьной скамьи, актуальны сегодня, как никогда.

Елена Немировская:

— Я согласна с Татьяной. Правоохранительные органы в цивилизованных странах помогают человеку соблюдать закон. А если он нарушается, есть суд. А наши правоохранительные органы вначале позволяют совершить правонарушение, а потом делают на нем бизнес. И, Андрей, ответ на ваш вопрос. Недавно я беседовала с Евгением Григорьевичем Ясиным и спросила его: «Что же делать?». Он ответил: «Все вокруг ведут себя так. А я так себя не веду». И я с ним согласна. Иначе вернуть нашим институтам их настоящий смысл и назначение невозможно. Мы пытаемся жить в современном обществе, а ведем себя как подданные. Как это проскочить? Нет другого подхода, я считаю, кроме воспитания и просвещения.

Игорь Зайцев, пресс-атташе Нижегородского отдела Волжского казачьего войска:

— Проблема нашего общества в том, что мы переживаем переход от одной иллюзии к другой, с использованием западных PR-практик. Известна любовь русского народа к сказкам: мы создаем образ и начинаем верить в него. Это особенно опасно для чинов-

ников, которые начинают верить в созданную ими же сказку. Но это преодолимо, если общество реагирует, и я считаю, что здоровое начало в нашем обществе все-таки есть.

Очень интересен метод лингвистического анализа, который вы предлагаете провести в регионах. Я тоже думаю, поскольку регионы разные, одни термины могут быть более понятны людям, живущим, например, в Якутии, а не в Калининграде, так как их волнуют свои проблемы и т.д. Не говоря уже о Москве. Москва образованна, уровень информационной насыщенности москвичей выше, чем любого провинциала. Это не значит, что москвич лучше. Но у него более обострены гражданские чувства.

Мы давно ориентируемся на идеальные представления о жизни, но не измеряем их. Скажем, та же «модернизация». Это может быть что угодно. Общественному сознанию нужно больше времени на то, чтобы перестроиться, чем на строительство «Сколково». Построить за пятилетку гражданское общество невозможно. Гражданин России — это не то же самое, что гражданин СССР. Разрыв колоссален. Молодежь еще не до конца это понимает, а пожилые люди не до конца попрощались с прошлым.

Общество устало от реформ. Право должно иметь конкретное выражение. И о правах человека надо говорить в школе, но в практической плоскости. Посмотрите, как снижается явка на выборы. Люди понимают, что они не могут этим механизмом воспользоваться, он не работает. Поэтому не хотят быть клоунами на чужом празднике. 46% нижегородцев, по опросу телекомпании «Волга», считают, что к власти на последних выборах пришли «не те» люди.

Надежда Савлова, помощник заместителя председателя Законодательного собрания, Нижний Новгород:

— Я представитель той власти, которую тут поругивали. Не могу не согласиться с некоторыми утверждениями, но хочу порассуждать на эту тему. Я вижу здесь много знакомых лиц, в том числе и журналистов. Когда принимаются законы в нашем Законодательном собрании, большинство заседаний транслируются как раз для журналистов и населения, телевизоры

стоят по всему зданию и даже в коридоре. Но желающих наблюдать за ходом заседаний обычно не бывает. Ведь что значит прослушать заседание Законодательного собрания? Ничего интересного не услышишь. Вот Александр Согомонов говорил, как вносится поправка в закон, он абсолютно прав: «Статья 5, пункт такой-то, давайте изменим вот это слово на это...». Или, например, у нас принимался региональный закон об НКО на основе федерального. Он уже принят и год как-то работает, какие-то деньги кто-то получает... Внесли поправки. Что за поправки? Слово «НКО» (некоммерческие организации) поменяли на «социально ориентированные». Это, конечно, чудесно... чтобы выделить деньги на эти организации, заседает комиссия. Зачем тогда эта поправка? Работал целый комитет. Спрашиваем, они отвечают: «Потому что есть федеральный закон, и если не будет регионального закона, федеральный будет нелегитимным».

Возникает вопрос, и на региональном, и на федеральном уровне, о полномочиях. Принять региональный закон на основе федерального — это наше Зако-

нодательное собрание может, это делают «на ура». А я по роду своей работы еще веду прием граждан. Приходят люди, много всяких проблем. Например, в поликлиниках не хватает врачей. Врачу, который работает на четырех участках, нельзя до-

Е. Немировская: Мы пытаемся жить в современном обществе, а ведем себя как подданные. Как это преодолеть? Нет другого подхода, я считаю, кроме воспитания и просвещения

плачивать несчастные 7 тысяч за остальные участки. Дорабатывают только пожилые люди, которые знают, что это надо, партия когда-то велела. А молодежь, поработав, уходит в частные клиники или куда-то еще. И эти вопросы мы почему-то не можем решить на региональном уровне, потому что существует федеральная компетенция. Может быть, к власти и пришли «не те» люди, но даже если придут «те», эти рамки, в которых они окажутся, не позволят им сделать много хороших дел.

На избирательные участки во время недавних выборов пришли 32% избирателей. При этом «Единая Россия» кричит «ура» — 58% за них (это из 32%). А в Дзержинске, единственном муниципальном образовании в регионе, где остались прямые выборы мэра, произошла революция: действующий мэр не попал даже во второй тур. И людей там на участки пришло больше.

Наталья Симонова, директор благотворительной общественной организации «Забота», член Общественной палаты Нижегородской области:

— Мне понравилось выступление Юрия Петровича. Несколько лет назад

мы разработали проект «Менеджеры гражданского общества», понимая, что гражданское общество строят люди, обладающие определенными качествами. К сожалению, проект не был поддержан комиссией на федеральном конкурсе, но мы его так или иначе реализуем, работаем с молодежью. Еще недавно считалось, что гражданское общество сформируется на основе рыночной экономики и институционального развития демократии, но этого не случилось. Разумеется, из-за отсутствия кадров. Но откуда они возьмутся? Недели две назад я была на учебе в Общественной палате России, и слушала лекцию, смысл которой в том, что «мы сейчас строим гражданское общество, хотя понятия гражданского общества нет». Спрашиваю: «А что же тогда мы строим?». Можно, конечно, сказать, что это сфера публичных благ или сфера, где взаимодействуют НКО и бизнес — для лучшей жизни, для людей... Понятие объемное, в какие-то рамки его не вставишь.

Я считаю совершенно замечательной идею гражданского просвещения. И хорошо, что такая энциклопедия появится. Но с другой стороны, мне кажется, что сейчас, пока мы говорим, «что такое хорошо и что такое плохо» и что такие носители определенных качеств, которые строят гражданское общество, идет процесс неправового законотворчества, если использовать терминологию Александра Юрьевича. И в этой ситуации как просвещать, как воспитывать людей, чтобы гражданское общество из иллюзии превратилось в реальность?

Юрий Сенокосов:

— Иллюзия останется. Ведь я не случайно говорил о сознании, что это не просто понятие, это поступки со зна-

нием дела, со-знательные. Я вновь обращаю внимание на приставку «со», которая указывает, что наше знание о таких мыслимых понятиях, как мораль, гражданское общество, свобода, демократия, не является предметным, так как их появление кроется в конечном счете в тайне происхождения человека и гения нашего языка. Мы возвращаемся тем самым снова к философским, вечным вопросам: что такое добро и зло? Почему мы продолжаем верить в добро? Потому что добро есть добро. Оно беспричинно. А зло всегда находит причину и объяснение, и судим мы о нем только потому, что совершаются добрые поступки. А тотальное зло, как, например, сталинский террор, хотя и поддается объяснению, но остается непонятным, потому что оно бесчеловечно. Мы же говорим на человеческом языке, и если будем продолжать говорить и думать, то сознание в общество вернется.

Меня, например, совершенно не удивило, что неделю назад в Санкт-Петербурге, в университете, прошла двухдневная международная конференция: «Высшее образование и гражданское общество: новая социальная миссия университета». Я узнал о ней из Интернета, не могу судить, насколько это было интересно по содержанию, но сам факт организации такой конференции заслуживает внимания. Жизнь продолжается, и я считаю, что мы встречаемся и обсуждаем наши проблемы не напрасно.

Андрей Камин, руководитель направления по разработке модели «Детского телефона доверия»:

— Вернусь к прошедшим выборам. Поскольку я верю в народ, и для меня демократические убеждения — штука важная, я для себя сформулировал следующее. Выборы продемонстрирова-

ли, что кандидаты не смогли показать большинству граждан Нижнего Новгорода, что они способны и будут решать их проблемы. И поэтому проще на выборы не ходить.

Та же история с гражданским обществом. Оно у нас, мягко говоря, довольно странное: одни «героически» игнорируют существующую власть, а другие, то есть власть, бьют их по головам, и при этом механизмы, которые помогали бы решать каждодневные задачи социально ориентированных организаций, практически не известны. Гражданская активность существует, но воспринимается скорее как нечто мешающее властям, а иногда и просто вредное. Поэтому наведение мостов между активными гражданами и властью — проблема действительно непростая. Но, на мой взгляд, решаемая, если мы перестанем считать, что ее можно решать без политиков.

Татьяна Бикметова:

— То, о чем сказал Андрей, имеет отношение к публичной политике. И чем больше я сейчас думаю, тем больше убеждаюсь, что этот термин позволил бы как-то объединить наши выступления и реплики.

Понятие «публичная политика» для российской политологии действительно достаточно новое. Оно только осваивается, входит в жизнь. Я его понимаю так. Это прежде всего открытый диалог власти и гражданского общества. Именно в таком диалоге должны обсуждаться решения по самым важным общественным проблемам. Каким? Мне кажется, сейчас существуют две проблемы: претензия власти к гражданам и претензия граж-

дан к власти. Большинство граждан не знает о своих правах, они не укоренены в отечественном менталитете. Даже прочитав конституцию, люди не осознают себя гражданами. Для них конституционные свободы и права остаются на бумаге. Отсюда апатия и, как

Т. Бикметова: публичная политика — это прежде всего открытый диалог власти и гражданского общества. Именно в таком диалоге должны обсуждаться решения по самым важным общественным проблемам

следствие, отчуждение от власти, нежелание понять, что если ты идешь на выборы, то реализуешь свое право и, значит, несешь ответственность за тот выбор, который сделал.

И о второй претензии — общества к власти. Прежде всего, власть должна быть прозрачной. А это значит, что информация о деятельности власти должна быть доступна людям. Скажем, я не знала, что в Законодательное собрание можно прийти и посмотреть заседание. И, думаю, большинство населения тоже об этом не знает. Во-вторых, власть должна быть понятна. Решения, которые она принимает, должны быть очевидны. Вот я читаю указ президента о снятии Лужкова «за утрату доверия». Но, извините, утрата доверия — это этическая категория, нравственное понятие. Я хочу понять, за что конкретно он утратил доверие.

И последнее — возможность влияния на политику власти, поскольку это главная российская проблема. Я не любительница громких слов, когда говорят «свободу слова задушили». Но то, что она испытывает существенные ограничения, бесспорно.

Итак, только при активности граждан и прозрачности власти можно говорить о публичной политике.

Дмитрий Гугунава, директор департамента по связям с общественностью медиа-группы «Marketing Division», кандидат филологических наук:

— Продолжая выступление Татьяны, я тоже хотел бы сказать о моем понимании публичной политики в современном мегаполисе.

Ясно, что человек должен быть дееспособным и грамотным, чтобы принимать решения и нести за них ответственность. Но дееспособность в современном мегаполисе не означает еще, что человек хочет и может заниматься публичной политикой, то есть быть ее субъектом, а не объектом. Хотя, как известно, если ты не занимаешься политикой, политика займется тобой.

Итак, что же такое публичная политика? Это комплекс управленческих действий, обеспеченный поддержкой определенной части общества, когда ее объектом являются общественное устройство и люди, а субъектом — человек, «которому не все равно».

В политической партии или движении всегда есть лидер, актив, примкнувшие к активу люди и сочувствующие. И, конечно, степень их субъектности различна. Но существует четкий критерий: главное — это участие. То есть отстаивание своей позиции по тем или иным вопросам. В чем же тогда отличие субъекта от объекта? Субъект политики моделирует будущее, переводя его из вероятностного модуса в обязательный, должный. То есть, по

сути, он является стратегом, прогнозируя будущее. А объект не может быть стратегом, он просто принимает то, что происходит. Возникает вопрос: а когда идет речь о публике как объекте политики в целом, она является субъектом? Учитывая, что ей присущи свойства самоорганизации, когда различные общественные группы конкурируют между собой, делегируя во время выборов свои полномочия депутатам, и выигравшая сторона в какой-то момент занимает доминирующее положение. И при этом мы сталкиваемся часто с симуляцией субъекта. Скажем, когда на митинг свозят автобусами подневольных людей, тех же пенсионеров, студентов и т.д., — и каждый из них выглядит как актер, отстаивающий гражданскую позицию. Хотя на самом деле никакой он не актер, а просто средство для достижения чьей-то цели.

Главным актором сегодня в России является, безусловно, государство, так как общество атомизировано и политические процессы приторможены.

Почему в этой связи так важно преследовать не сиюминутные, а долгосрочные цели? Потому что только в обществах, где есть великая идея, мечта и люди стремятся ее воплотить, происходит более быстрое и плодотворное развитие, в отличие от тех обществ, которые тупо удовлетворяют свои текущие насущные потребности. На мой взгляд, наше участие в публичной политике должно преследовать достижение именно долгосрочной стратегической цели.

Окончание в следующем номере